

и «отрава» означают книгу Платона, доказавшую вечную жизнь человеческой души, и меч, которым Катон покончит с собой. У Сушковой, в отличие от Аддисона, Катон очутился в гамлетовском положении — он стоит перед выбором: быть или не быть. В изолированном отрывке, помещенном М. В. Сушковым в его «Российском Вертере», первоначальные обстоятельства еще больше теряются из виду. В рамках повести слова Катона связываются с высказываниями «российского Вертера» и таким образом могут приобрести совсем другое значение. Например, значение стихов: «Живот и смерть моя теперь в руках моих» — модифицировано фразой из писем российского Вертера: «... в моей воле разрушить теперь мой состав или жить далее...»<sup>64</sup> О книге Платона уже нет речи. Стихи: «Вот изцеление, или отрава люта» — могут выразить такое же скептическое отношение к загробной жизни, как последние стихи другого входящего в повесть стихотворения: «К тебе или к земле с отвагою иду...» Не случайно Сушков пропустил всякий намек на основную тему монолога: бессмертие души.

#### 4

Образ Катона, введенный в повесть «Российский Вертер», изменяет образ самого ее героя. В рамках повести слова Катона — это в то же время слова «российского Вертера»; их образы сливаются. При этом «российский Вертер» присваивает важность, театральное величие Катона. Такое театральное величие присваивает себе и сам Сушков. Как тот, включая в свой текст другие тексты, расширяет и увеличивает значение всего в нем происходящего, так и этот, приравнивая свою судьбу к судьбам литературных или исторических героев, хочет увеличить значение собственных поступков.

Подобная театрализация личной судьбы у людей конца XVIII—начала XIX в. описана Ю. М. Лотманом в его статьях о «программах бытового поведения».<sup>65</sup> Под последним термином Ю. М. Лотман понимает формы поведения, которые более или менее сознательно моделированы по историческим и художественным образцам. Его теория основывается на наблюдении, что человек, сознающий, что он в поле зрения другого человека, делает свое поведение средством коммуникации. Поведение сверх его очевидной целенаправленности приобретает знаковый характер; оно, так сказать, представляет собой текст. Человек, сознательно или несознательно, является автором собственного поведенческого текста. Наблюдатель только может правильно читать этот текст, если разделяет с автором знаковую систему, если знает значение определенных жестов, фраз и поступков.

<sup>64</sup> Российский Вертер. С. 76 (письмо XXXIV, декабря 17).

<sup>65</sup> Лотман Ю. М. Избр. статьи. Таллин, 1992. С. 248—385. (Культура и программы поведения). См. также: Лотман Ю. М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции: (Сб. в честь академика Д. С. Лихачева). М., 1976. С. 292—297.